

ли, хочешь ты того или нет. Большой театр был кремлевским театром, где без политики вообще ничего не решалось: что хотят с тобой, то и сделают. И эту жизнь я очень хорошо знаю.

Но я в интригах никогда не участвовала. Мне это не по характеру, да и времени на эти игры у меня не было. Моя карьера была удивительно удачной и без интриг, потому что с первого шага я оказалась выше многих по своему профессионализму. Мне не надо было к кому-то в гости ходить, с кем-то в интимные отношения вступать, чтобы роль получить. Я просто всегда была лучшей. И только так надо делать карьеру. Другого надежного пути нет. Все в певце должно быть экстра-класса. Настоящий певец должен быть неуязвим.

— Вы довольны своей карьерой?

— Конечно. У меня никогда в жизни не было так, что я чего-то очень сильно хотела и не получила. Может быть, я не хочу того, чего нельзя. Могла бы я сделать еще больше, если бы родилась на Западе, неизвестно. Как вообще развивалась бы моя судьба? Меня сделала певицей сама жизнь и мои педагоги. Поэтому сегодня я благодарна России, несмотря на все, что пришлось пережить и перестрадать. Но я получила счастье общения с теми людьми, с которыми я имела шанс работать — это Борис Покровский, Александр Мелик-Пашаев. Я стала их любимой певицей с первой своей премьеры — «Фиделио» Бетховена в Большом театре, где я была первой певицей все годы, что там пела.

В Большом я встретила Дмитрия Дмитриевича Шостаковича, другом которого имела честь и счастье быть много лет. На улице Огарева мы соседствовали с ним стенка в стенку, и в Жуковке дачи у нас были рядом. И почти двадцать лет, до самой его смерти, мы были очень дружны. Каждый новый год вместе встречали. Он посвятил мне три опуса. Я была первой исполнительницей этих и других его сочинений. Это не оплатить ничем вообще. И это все стало возможно, только потому что я жила здесь, а не за границей.

Мы не хотели никуда уезжать. Нас вынудили это сделать. Когда Ростропович заступился за Солженицына, которого травил, гонение перешло и на него. Ему не давали выступать и, если бы мы не уехали, он бы погиб. В нашем парижском доме хранятся два досье КГБ с пометкой «совершенно секретно» — на меня и на Ростроповича. Из них мы узнали изнанку жизни многих знакомых. Слава Богу, что мы забыли о них, хотя прошло совсем немного лет. Так устроена человеческая память. Тогда стоял вопрос о спасении моей семьи. Я приняла решение, и я это сделала. Когда я оказалась за границей, мое имя уже было достаточно известно в мире, так как с 1955 года я была «выездной» солисткой Большого театра. И на Запад я приехала продолжать и заканчивать свою певческую карьеру.

— Правду говорят, что сце-

на — наркотик, который не отпускает?

— Я бы так не сказала. Если бы я осталась вне сцены в 40 лет — это была бы настоящая трагедия. А я ушла со сцены, когда мне было 64 года. И ушла с триумфом с партией Татьяны в 1982-м, спев восемь спектаклей «Евгения Онегина» на сцене парижской Grand Opera. Через 30 лет после своего первого выступления в этой роли на сцене Большого театра. После я еще несколько лет пела концерты. Потом почувствовала, что у меня нет больше стремления быть на сцене. Я просто устала и оста-

— Режим держала два дня — до и после спектакля. Режим — это молчание. Никаких репетиций. А накануне спектакля вообще уходила к себе в комнату, закрывала дверь, и даже дочери ко мне в тот момент не могли приставать. В день спектакля надо хорошо выспаться, в два-три часа дня я съела кусок жареного мяса с каким-нибудь салатом. В пять часов ехала в театр, в семь начинался спектакль. В принципе я не суеверна, — но если перед спектаклем или концертом, кошка перебежала мне дорогу, я, наверное, пять километров в обход пойду...

не стала работать в Москве. Год назад я научилась всем этим пользоваться. И теперь стала слушать свои записи, потому что я должна студентам легко и быстро объяснить, что и как делать. Особенно я люблю и ценю «живые», а не студийные записи. Чувствуется, насколько все идеально спето — ни одной шероховатой ноты. Это образец высочайшего профессионализма, который достигается только титанической работой и отношением к искусству — уважением к себе и к своей публике. Тогда и вдохновение приходит, радость и счастье быть на сцене. Всю жизнь на сцене

ности себе не покупаю. Это с восторгом делает для меня Ростропович. Сама себе я покупаю только платья, которых у меня, наверное, сотни в шкафах пылятся. Но выбросить рука не поднимается. Потому что часто сама их «сочиняла», и с ними связаны какие-то важные события моей жизни. Сегодня я предпочитаю Valentino. Мой стиль — это сдержанность и элегантность.

— А еще от каких вещей в жизни вы получаете удовольствие?

— У меня от природы был поставлен голос, и я очень рано, в семнадцать лет, начала свою карьеру, так что музыка поглотила всю мою жизнь и все мои желания. Я другой жизни не знаю. Мне ничто иное по настоящему неинтересно. Хотя я очень люблю живопись, но сама не рисую.

— По какому принципу вы собираете свою коллекцию картин?

— У нас в собрании работы только русских художников. Мне они нравятся. Я люблю русский фарфор. Я моментально его отличу от всего остального. На нем печать русской души, ведь его в елизаветинскую эпоху расписывали при лучине неграмотные, крепостные мастера. У меня замечательная коллекция русского фарфора.

— Вы позволяете себе использовать в быту что-нибудь из своей коллекции?

— Никогда. Хотя каждый раз себе говорю: куплю эту чашечку и буду из нее чай пить. Но ставлю ее в горку и не могу себя заставить ею пользоваться. И детям запрещаю прикасаться. Если вещь прожила 200 лет до сегодняшнего дня, я не могу позволить ее разбить ни при каких обстоятельствах. Это нужно сохранить для будущих поколений.

— Кто-нибудь из шести внуков станет продолжателем музыкальной династии Ростропович-Вишневская?

— Нет. Сегодня уже абсолютно ясно, что этого не произойдет. Имея таких бабушку и дедушку, чтобы состояться на этом поприще, надо или с великим талантом родиться, когда тебя ничто не может удержать от занятий музыкой, или мама должна с валидолом в одной руке и с поленом в другой до

обморока дрессировать свое чадо. Ни того, ни другого не случилось. Но у меня нет на этот счет сожалений. Потому что если быть в искусстве, то надо быть очень высоко. Иначе нет смысла этим делом заниматься.

— Как Мстислав Ростропович завоевал сердце своенравной красавицы Галины Вишневской?

— Он показался мне очень надежным человеком, хотя на момент нашего знакомства нам было всего по 28 лет. Я знала, чувствовала, что он никогда не предаст.

— А как двум большим художникам удалось полвека уживаться на маленьком пространстве одной семьи?

— Только потому, что мы в разездах и иногда подолгу не видимся. Даже не представляю себе: каждый день встречаться... Он бы с ума сошел. И я тоже. Вытерпеть это невозможно. У каждого свой бурный темперамент, свои профессиональные заботы.

— Как вы относитесь к постоянно витающей в воздухе идее экранизации своей книги?

— Когда я написала книгу, она сначала вышла в Америке. И ко мне тут же приехали из Голливуда с контрактом, который я уже была готова подписать. Но в последний момент я случайно обнаружила один пункт, — что я не буду претендовать ни на какое консультативно-контролирующее участие. Я отказалась, потому что понимала, что ради кассового успеха продюсеры и режиссер уложат меня в постель со всеми подряд. Но я бы совсем не возражала, если бы сняли стоящий фильм с хорошими артистами. Получилась бы не столько картина обо мне, сколько рассказ о стране. Что-то вроде «Доктора Живаго».

— А будет продолжение «Галины»?

— Пока у меня нет такого желания. Для подобного шага внутри меня должно быть ощущение «бомбы», которая взорвется, если я не выскажусь. Именно так у меня было с той книгой. Эти бесконечные политические интервью об одном и том же, чужая речь вокруг тебя... Не напиши я свою «Галину», я бы просто взорвалась. А сейчас я спокойна.

Приходит определенный критический возраст, после которого есть только натуга выползти на сцену во что бы то ни стало. Толстая, потная, измученная женщина поет что-то с гримасой муки на лице. Зачем?! Это не надо ни ей, ни публике.

вила сцену совершенно спокойно. Для меня в этом не было никакой трагедии. Приходит определенный критический возраст, после которого есть только натуга выползти на сцену во что бы то ни стало. Толстая, потная, измученная женщина поет что-то с гримасой муки на лице. Зачем?! Это не надо ни ей, ни публике.

— И вам не снится сцена?

— Иногда. Я бегу, опаздываю на выход в опере «Кармен», которую никогда не пела. Мне надо петь ансамбль, а я его не знаю. И тут я просыпаюсь от ужаса.

— У вас нет желания продолжить свой режиссерский опыт в оперном театре? Ведь на Западе вы неоднократно выступали в роли постановщика, а в своей Школе из четырех премьер не поставили ни одной...

— Я один раз ставила «Иоланту» в Англии и сделала несколько постановок «Царской невесты» — в Монте-Карло, Вашингтоне и Риме. Я могу это делать, но это не мое. Режиссер должен раствориться в артисте, чтобы исполнитель в полной мере проявил себя, а не схематично развести его из левой кулисы в правую или наоборот. Этого не могу. Я требую немедленного исполнения так, как я того хочу. И все. И кончен разговор. Но я очень хотела показать миру «Царскую невесту», оперу, которую на Западе никто не знает, пока не нагородили черт знает что: Марфа на велосипеде катается, а Грязной — на танке... У меня тогда красивый спектакль получился. Но я не хочу больше за это дело браться. Я слишком нетерпима, чтобы всерьез заниматься режиссурой.

В Школе с ребятами занимаются хорошие режиссеры, и результатами их работы я довольна. За два с половиной года уже поставлены «Руслан и Людмила», «Царская невеста», «Фауст» и вот сейчас — «Риголетто». И везде все первые партии исполняют только наши студенты. Где еще молодому певцу дадут возможность бесконечно репетировать и постоянно выходить на сцену, петь спектакли?

— А как вы готовились к своему спектаклю?

— Кто для вас был эталоном на сцене?

— Прежде всего Шалапин. В смысле пения — Рената Тебалди, Леонтин Прайс и Джоан Сазерленд. Мы все примерно одного возраста.

— А что вам самой больше всего нравится в Галине Вишневской?

— Я ее воспринимаю только как голос. Может быть, потому что я певица. Несмотря на то что я, конечно, вижу: прекрасная фигура, тонкие черты лица — все есть. К тому же актриса. Красивая женщина, что тут кокетничать, я что маленькая? Но для меня самое главное в ней — это голос молодой девушки, серебристого тембра. Я всегда пела партии молодых — Наташа Ростова, Татьяна, Лиза, Марфа — это абсолютное слияние голоса и образа.

— Вы любите слушать свои записи?

— Я их никогда не слушала, и у меня не было такого желания. Я даже не умела включать проигрыватель. Перепортила Ростроповичу всю аппаратуру. Если я хотела посмотреть какой-нибудь фильм, ко мне приходил мой четырехлетний внук Иван и включал мне технику. Но это было до тех пор, пока

надо вкалывать так, чтобы безукоризненность была во всем — техническая, вокальная, физическая. Даром ничего не дается. И на руках со сцены на сцену тебя никто носить не будет. Когда ко мне приходят толстые студентки, я сразу говорю: «наполовину похудеешь, будем дальше заниматься, нет — через три месяца попрощаемся». И худеют. Тают на глазах.

— А итальянцы считают, что килограммы нужны для поддержки голоса...

— Ерунда. Я всю жизнь, пока пела, весила 60 килограммов. И только сейчас немножко прибавила.

— И никогда не делаете себе поблажки?

— Нет. Полнота — это старость. Страх пополнеть меня преследует всегда, так что я всю жизнь хожу голодная.

— Что в вашей сумочке должно быть обязательно? Без чего вы не можете выйти из дома?

— Пудра, губная помада. Но прежде всего кошелек с деньгами: я люблю и умею широко тратить деньги. Если они, конечно, у меня есть.

— Как настоящая примадонна, вы любите бриллианты?

— Я изумруды люблю. Они идут к моим глазам. Но сама драгоцен-

Мне не надо было к кому-то в гости ходить, с кем-то в интимные отношения вступать, чтобы роль получить. Я просто всегда была лучшей. И только так надо делать карьеру. Другого надежного пути нет

Доска почета

Галина Вишневская — заслуженная артистка РСФСР (1955); народная артистка РСФСР (1961); народная артистка СССР (1966). Награждена медалью «За оборону Ленинграда» (1943); орденом Ленина (1971); Бриллиантовой звездой Парижа (1977); медалью «Все вместе за мир» (Италия, 1995); орденом «За заслуги перед отечеством» III степени (1996). Галина Вишневская — кавалер ордена Почетного легиона (Франция, 1983); доктор гуманитарных наук Риверколледжа (Нашуа, Нью-Хемпшир, США) и обладательница почетной степени доктора музыки Гамильтонского колледжа; доктор музыки университета Сент-Лоуренс (Кантон, штат Нью-Йорк, США); Officer ордена Искусств и литературы (Франция, 2001); Почетный гражданин города Кройцштадта (1996). Малой планете Солнечной системы № 4919 присвоено имя Галины Вишневской.